

Анатолий ШИШКИН

г. Петрозаводск

Анатолий ШИШКИН: «Мы боремся с хроническим недугом – «Иждивенчеством» в менталитете...»

В 2011 году Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук отмечает юбилей – 15-летие со дня создания. Институт экономики празднует свой день рождения вместе с Карельским научным центром, которому исполняется 65 лет.

Экономическая наука активно стала развиваться в Карелии с начала 70-х годов. Позднее последовательно разрабатывались «Программа развития жилищного строительства», «Интенсификация – 90», «Программа развития КАССР», концепция «Возрождение Карелии» на период с 1998 по 2010 год. Пройдя все этапы от попыток организовать переход к рынку до разработки стратегии развития республики до 2020 года,

экономическая наука и экспертное сообщество Карелии пришли к убеждению, что без научного управления социально-экономическими процессами встать на путь успешного развития невозможно. Сегодня в карельской экономической науке активно ведутся попытки реализовать принцип партнерства власти, бизнеса и общественности как основы развития региона.

В условиях какой бы социально-экономической формации мы ни жили, всегда нас будут беспокоить уровень жизни, развитие различных отраслей производства, соотношение доходов и расходов, наличие необходимых для жизни товаров и возможность их приобрести, создать и купить. По одному из определений, экономика

– это наука хозяйствования, которая учит в нужном количестве производить и правильно распределять материальные и финансовые ресурсы. И эта наука важна для любого общества и актуальна на любом историческом отрезке времени.

В решении этих проблем особую роль играют ученые-экономисты, которые могут исследовать имеющийся опыт, предложить варианты дальнейшего пути, просчитать, что нас ждет впереди.

Наш собеседник – Анатолий ШИШКИН, директор Института экономики КНЦ РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный экономист РК, заслуженный деятель науки Карелии, первый председатель Союза промышленников и предпринимателей РК.

– Анатолий Иванович, в последнее время нам часто напоминают, что Карелия – дотационный регион. Может ли, по Вашему мнению, республика быть самостоятельной, не зависеть от средств федерального центра? В определенном смысле, регион можно рассматривать как предприятие, а любое предприятие обязано быть прибыльным, иначе оно обанкротится. Способна ли Карелия быть таким «прибыльным предприятием»?

– И да, и нет. Мы – часть Российской Федерации, а федерализм в России характеризуется наличием жёсткой вертикали власти почти во всех вопросах, особенно в бюджетных. Все деньги поступают в виде налогов из регионов в центр и «по-братски» делятся, при этом не изжит характерный для «развитого социализма» принцип уравниловки. Реальный же федерализм подразумевает максимум самостоятельности во всем и прежде всего в результатах работы.

Российский федерализм ещё не вызрел. Сегодня мы видим, что полномочия регионам и местному самоуправлению передаются, но деньги концентрируются в центре. Я несколько утрирую, но это почти так. Возможности обеспечивать переданные полномочия на должном уровне нет. Нужен реальный бюджетный федерализм, иначе выстраивается нелогичная ситуация. То, что региону самому необходимо, он отдаёт, а затем вынужден выпрашивать эти средства. Следует же, напротив, оставлять в регионе столько средств, сколько ему требуется, и какую-то часть выделять феде-

ральному центру. При этом можно предусмотреть и меры стимулирования района на эффективное использование заработанных средств, тогда реальными станут планы и программы развития регионов и муниципалитетов. При Ельцине была предпринята попытка изменить ситуацию. Наука предложила новый закон о бюджетном федерализме, где предусматривалось от 70 до 80 процентов налогов оставлять регионам. Закон активно обсуждался, но не прошёл.

Наш институт в плане фундаментальной науки занимается процессами капитализации региона. Практическая база – это процессы, происходящие в Карелии: во власти, в бизнесе и в общественных явлениях. Нас интересует как ученых и практиков капитализация всех социальных, экономических и даже технологических процессов в малом приграничном ресурсно-ориентированном регионе, каковым является Карелия. Если регион капитализирован – это значит выдерживает конкуренцию в социальной жизни, в промышленности, в темпах своего развития.

Политическое устройство – работа государства, центральной власти. Мы сегодня акцентируем внимание на экономической самостоятельности, борясь с хроническим недугом – «иждивенчеством» в менталитете региональной власти и граждан.

– Правильно я понял, что если бы все деньги, которые зарабатываются в регионе, оставались здесь, нам бы этого хватало и на обеспечение необходимого уровня жизни, и на развитие?

– В целом близко к истине. В региональном устройстве должно быть то же самое, что в бизнесе. Если регион не может жить на те деньги, которые он зарабатывает, то он имеет право на помощь извне, и то – в долг. Перенесение идеи самостоятельного предприятия на регион активно обсуждалось лет десять назад, когда прямо говорили, что надо дать больше самостоятельности и при этом не помогать слабым регионам. Пусть они погибнут как регионы, но тогда они присоединятся к кому-то, найдут новые формы существования. Тема не нашла современного решения. Её решение требует научно обоснованного бюджетного федерализма и совершенствования организации управления социально-экономическими процессами на уровне регионов. Эти вопросы невозможно решить без достаточной степени демократизации общества, без развития самоорганизации и самоуправления. Эту работу ещё предстоит сделать России.

– Без труда можно привести названия поселений, где за последние годы закрылись предприятия. Новых предприятий больше не будет, там нечего производить. Что делать в этом случае? Закрывать поселения? Или власть должна продумать, как обеспечить людей работой? Не так ли и федеральный центр должен думать, какие еще предприятия поставить в регионе, какие дороги проложить, какие рынки сбыта обеспечить? Причем на деньги федерального центра, чтобы впоследствии регион мог быть богатым, успешным, прибыльным.

– Прежде роль государства была примитивна – охрана границ, управление «собственным огородом», полный контроль над личностью и производством. А теперь мы живем в условиях свободы. Уже сегодня человек может «голосовать ногами» – уехать в другую страну, отправить туда детей, приобрести собственность за рубежом... В этой ситуации государство вынуждено искать инструменты управления обществом на всей нашей огромной территории с учетом национальных, культурных и экономических различий.

Ответ на ваш вопрос может быть предельно простым, правда, вызывающим раздражение у тех, кто верует, что все зависит от власти. Может быть и достаточно сложным. Предлагаю рассмотреть оба варианта.

Первый. Мы имеем то, что заслуживаем. В своих проблемах не надо винить злых людей, плохое государство, масонский заговор и т.д. Наша судьба в наших руках. Многим удалось это осознать, принять и изменить свое поведение, адаптироваться к новым реалиям. Это очень трудно, но возможно, если потрудиться, поучиться и избежать пессимизма, который тянет личность вниз...

Второй вариант ответа. Экономика – это живой организм, постоянно находящийся в движении, а движения не может быть без колебаний. Единственным эффективным регулятором в этом «живом организме» выступает конкуренция. Конкуренция есть основной механизм развития эффективной экономики – эта истина трудно принимается, но уже работает на российских просторах: все, что говорится и делается по инновациям и по модернизации – это о ней.

Экономика безжалостна в своём конкурентном угаре, она как мясорубка: если предприятие не выпускает нужную качественную продукцию, то погибает, сколько ему ни помогай. Значит, нужен такой менеджмент, который заставит предприятие выпускать то, что необходимо, то, что найдёт спрос. Эта логика переносится и на регионы, на поселения. Задача государства смягчить удары: прежде люди в неконкурентоспособных поселениях, регионах жили, трудились и этот труд, даже если был неэффективным, их кормил. И вдруг потеря работы, труд теперь не кормит. Это заставляет менять профессию, организовывать свое дело или перемещаться в другие поселения, в другие регионы. В Европе трудоспособное население активно перемещается, там меньше проблем с жильем. У нас происходят аналогичные процессы: молодые люди едут в Санкт-Петербург, в Москву, за границу. Молодежь из районов приезжает в Петрозаводск. Движение населения растёт, и это нормальное явление для открытого современного общества. Власти необходимо готовиться к проявлению мобильности трудовых ресурсов, движение пойдет туда, где жизнь и труд лучше. Границы открыты, права даны. Весь этот процесс должно организовать так, чтобы он не был болезненным для национальной культуры, для религии и для территориальной целостности государства. Кроме того, нельзя забывать инвалидов, немощных и пенсионеров. В заботе о них проявляется роль современного государства: нужно обеспечить такой ход перемен, чтобы они не происходили болезненно для этих людей. Поэтому

просчитывается, наукой апробируется система льгот, налогов и социальной помощи.

Новые реалии воспринимаются россиянами с трудом. Все дело в нашем воспитании – в головах у большинства из нас как идеал видится стабильная экономика под лозунгом «Уверенность в завтрашнем дне». Прежде, в советское время, мы жили с жесткой пропиской, не могли перемещаться. Вот тогда государство обязано было дать людям работу, плохую или хорошую, но чтобы люди могли зарабатывать деньги на жизнь. Такой системой легко было управлять.

Сейчас мы живем в условиях новой экономики, в экономике нестабильности. Меня раздражает термин «устойчивое развитие». По-видимому, это дань тоске по уверенности в завтрашнем дне. Развивается только то, что колеблется и движется. Перестает двигаться, колебаться – погибает. Наука уделяет большое внимание этим вопросам. Переход к пониманию этих процессов зачастую происходит болезненно. Менталитет многих, даже больших, руководителей находится в рамках классики. Но сегодняшняя молодежь воспитывается самой жизнью, у них уже иная ментальность, уже формируется понимание нестабильности экономической жизни, понимание необходимости здоровья, образования и профессии как капитала личности, и это хорошо. К сожалению, идет этот процесс медленно, в основном из-за консерватизма системы образования.

– Это выглядит в теории очень красиво. Но мы сталкиваемся с тем, что профессионалы, которые получают

новые знания и даже не пьют и не курят, все равно оказываются невостребованными, могут рассчитывать только на мизерные зарплаты.

– Да, эта ситуация встречается. Там, где сворачивается бизнес, нужно перемещаться в пространстве или менять профессию. В вашем вопросе прослеживается неприятие идущих преобразований. Но мы уже говорили о том, что возврата во вчерашний день нет. Не имеет смысла ориентироваться на прежние условия, когда достаточно было получить образование, и рабочее место тебе обеспечено. Государство обеспечивало работу, зарплату, но о высоком уровне жизни можно было не мечтать.

– Но мы ведь уже 20 лет в условиях перемен...

– Да, перемены начались с 1991 года, когда нашелся Александр Матросов, закрывший грудью амбразуру, – Гайдар. Но сколько сопротивления до сих пор! До сих пор многие не принимают перемены, не осознают их необходимости и необратимости.

Все потому, что любой социальный проект должен сопровождаться разъяснением, людям нужно объяснять, что и почему происходит, большинство людей нужно включать в этот процесс, интеллигенцию в первую очередь. К сожалению, реформаторы не уделяли этому достаточного внимания.

Я должен сказать, это мой долг как ученого, что в 1990 году рабочая группа под руководством академика С.Шаталина по заданию М.С. Горбачева и Б.Н.Ельцина разработала концепцию и программу под наз-

ванием «Переход к рынку». Программа вышла тиражом 300 тысяч экземпляров. В работе приняли активное участие и подписались как ответственные авторы С.Шаталин, Н. Петраков, Г.Явлинский, С. Александренко, М.Задорнов, Б. Федоров, Е.Ясин, Т. Ярыгина и др. Тираж не был даже полностью распространен, не попал в учебные заведения. А это была попытка все сделать «по уму», а не «как получится». Это был проект, по которому, возможно, сохранили бы Союз и подготовили бы общество к тяжелейшему процессу построения цивилизованных рыночных отношений на территории всей страны.

Но знаете, у нас было время, когда всего 15 % населения понимало, что Россия встала на правильный путь. Сейчас более 60 % поддерживают перемены, особенно молодежь, у которой нет шлейфа прежних представлений. Они правильно считают, что все в жизни зависит от человека. Коль тебе дали свободу, мне дали свободу, детям нашим дали свободу, учись хорошо, не пей, не колись, меняй работу, место жительства – все в твоих руках. Это западная, протестантская этика. Наше поколение, к сожалению, воспитывалось совершенно не так. Но знаете, и я, и все мои ровесники-профессора были вынуждены выучить английский, осваивать компьютер уже в зрелом возрасте, поскольку понимали, что без английского языка, без общения в Интернете не получится успешно преподавать, заниматься наукой и развиваться как личности. Нам тоже пришлось изменить и мировоззрение, и отношение к жизни.

– Вы сказали о протестантской этике, но мы-то традиционно воспитывались в православной этике. У нас на многие вопросы разные взгляды. То же отношение к бедным и богатым. Протестанты считали, что если человек живет богато, это его Бог наградил за его труд. Мы же всегда знали, что богатому трудно будет попасть на небо. Протестанты давали возможность нищему выйти из нищеты путем работы. У нас нищие, убогие рассматривались как любимцы Бога, находящиеся «у Бога». Кроме того, зачем давать нищему работу, ведь его существование дает мне возможность творить милостыню, бросить ему копейку, вроде как помочь. В натуре западной – сберечь и приумножить, русская натура: «проживем-наживем». На эту тему тома написаны...

– Верно, и мы с вами выходим на самое трудное в модернизации России – изменение ментальности. Я бы сказал, что реформация, которую мы называем модернизацией, это изменение менталитета. У нас менталитет Стеньки Разина: любить – так королеву, пить – так лохань...

Социальные и экономические явления имеют колоссальную инерцию. Как трудно остановить паровоз по сравнению с велосипедом, так трудно переориентировать крупное предприятие, не говоря о мощнейших производственных комплексах по сравнению с маленьким предприятием. А социальные явления имеют колоссальную инерцию. Вы спрашиваете, сколько нужно лет на преобразования? Отвечаю: два-три по-

коления. Экономические явления на уровне домохозяйства обладают меньшей инерцией, потому что есть всегда хочется. Преодоление экономической инерции займет лет тридцать – тридцать пять. И нужно учитывать, что нам – Карелии – повезло. Мы находимся в окружении цивилизованных стран, Финляндия, Скандинавия близко. Мы оттуда берем многое, технологии, например...

– Тем не менее не вышли на показатели объемов производства советского времени.

– Да, мы не вышли на объемы производства советского времени, но нужно ли это? У нас же все есть – на рынках, в магазинах и в Интернете. Купить можно любой трактор, любую колбасу и самую современную машину. Не важно, где они производятся! Я стоял в очередь за «жигулёнком» 12 лет. Сегодня же всего много, даже цены по ряду товаров пошли вниз, и это при инфляции 9-10 %.

У экономики России два пути: или снова тремя рядами колючей проволоки отгородиться от всего мира и покупать только свои товары в очереди, или продолжать интегрироваться в мировую экономику, пытаясь выпускать лучшую продукцию, конкурентоспособную. Второй путь – развитие, а первый не стоит обсуждать.... Посмотрите, у нас в Карелии уже собирают харвестеры для заготовки леса. А я помню, какой шок у меня и моих студентов в 1996 году был, когда мы увидели работу финских харвестеров-роботов в лесу.

– Я аналогичные чувства испытал, побывав на заводе

в Финляндии, где эти харвестеры производят...

– Вот потому не важно, сколько мы производим. Важно, что мы делаем то, что имеет спрос, зарабатываем деньги и имеем возможность приобретать товары.

Мы затронули тему Финляндии. Однажды я спросил финского дипломата, что, по его мнению, позволило Финляндии так хорошо развиваться, по сравнению с Россией. Он рассказал, что подобный вопрос однажды задал Анатолий Собчак Мартти Ахтисаари, когда тот еще был не президентом, а дипломатом. Ахтисаари ответил, что после войны у Финляндии ничего не было, кроме огромного долга перед СССР и леса. Финны затянули пояса, сплотились и сумели грамотно распорядиться лесом. Что мешает России грамотно распорядиться имеющимися ресурсами?

Финляндии помогли менталитет, предполагающий надежду только на себя, сохранившаяся частная собственность с колоссальным уважением к ней со стороны властей всех уровней, гражданское согласие.

У нас же частной собственности не было. А это первый движитель экономического развития, второе – конкуренция. Наличие защищенной частной собственности на землю, на лес – это гарант того, что ты будешь думать о конкурентоспособности. Гарант того, что ты не будешь иждивенцем. Частная собственность как хомут: запрягли тебя в него, ты должен работать, содержать ее, заботиться и преумножать. Иначе нет семьи, нет будущего и нет уважения в обществе. Может, кому-то лучше быть люм-

пенем, когда ты ничем не обременен, но не протестантам финнам.

И еще акцентирую внимание на гражданском согласии. Мы в последний раз его достигли в желании победить фашизм. Сейчас в многонациональном государстве, каковым является Россия, даже в Республике Карелия, прийти к такому согласию труднее, поскольку присутствуют разные культуры, разные религии и отсутствует достаточный уровень толерантности.

Когда страна переживает внутренние трудности, прийти к согласию еще сложнее, чем при трудностях извне. Вот реформаторы – Гайдар, Собчак, Шаталин, Чубайс, Ясин и другие – они не смогли заручиться общей поддержкой, не смогли подвигнуть людей на реформы, по сути, пошли к гражданскому обществу тоталитарными методами. Я не считаю их виновными в этом. Экономическая стагнация СССР требовала быстрых и очень смелых решений. Но это не исключало запуска большой разъяснительной работы.

– Поскольку согласие трудно достигается в больших многонациональных государствах, может быть, оправдана в таком случае и «твердая рука» во власти?

– Я ожидал этого вопроса. Нет и ещё раз НЕТ! Нужна не твердая рука, а умные головы, нужна партийная конкуренция, что обеспечит цивилизованные выборы на всех уровнях. В итоге появится доверие большинства россиян к власти. Не нужны назначенцы сверху, это Россия проходила, и это огромную империю СССР похоронило.

Когда меня выбрали директо-

ром Института экономики, я принял этот факт как вызревшую необходимость в науке управления экономическими процессами в регионе. Все прежние исследования экономистов, все документы, включая отдельные фундаментальные исследования, были направлены на построение развитого социализма. Мы разработали стратегию развития института, где главная цель – быть нужными в регионе, а удастся, так и в России.

Кто-то на волне демократических преобразований внес в проект Конституции требование о том, что вновь избранный руководитель республики должен представить обществу свою концепцию работы власти под его руководством. И нашему институту предложили создать такую концепцию. Мы вторые в России после С.Шаталина и его группы создали и первые в России представили законодательной власти, научной общественности и всем общественным организациям проект концепции. После всеобщего обсуждения Законодательное собрание Карелии её приняло. Было поставлено условие обязательного ежегодного мониторинга. Первые два года мониторинг преследовал цель остановить падение объемов производства, в последующем целью мониторинга стало улучшение качества жизни в Карелии. Кстати, члены рабочей группы авторов концепции стали лауреатами конкурса стратегических разработок в России 2000 года.

Научных исследований академической науки по наличию ресурсов в Карелии превеликое множество. Мы понимали, что есть такие, которые могут и должны быть использованы уже

сегодня. Инвентаризация имеющихся ресурсов с помощью большой группы экспертов Российской академии наук, двух университетов и наших коллег по СЗФО позволила выявить 7 основных приоритетных направлений для экономического развития Карелии. Это эффективное использование таких ресурсов, как лесные, минеральные, водные, биологические, рекреационные, культурные и научные. Результаты работы легли в основу стратегических документов, разрабатываемых институтом в сотрудничестве с другими учреждениями по заказам правительства Карелии: «Стратегия развития Карелии до 2020 года», «Стратегия развития туризма в Карелии», схемы территориального развития муниципалитетов, программы развития поселений.

Работая над реальными проектами, наш институт стал конкурентоспособным, у нас защитились за 12 лет 39 кандидатов наук, пять ученых на базе института защитили докторские диссертации. Труд ученого, особенно экономиста, сегодня востребован бизнесом, да и власть пришла к мнению, что «ручное управление в узких местах» уходит в прошлое. Рынок требует прогнозирования ситуаций и планирования результатов.

– Анатолий Иванович, какой будет жизнь в Карелии через пять-десять лет? Безработица останется?

– Да, без неё нет конкуренции за рабочее место. Но она должна быть управляемая и колебаться на уровне 3-4 процентов, это нормально для экономически развитой системы.

Безработица более этих параметров – бедствие, требующее научно обоснованных действий власти. Люди просто уедут, если мер не принимать. Уже сейчас мы находимся в активной зоне мегаполиса Санкт-Петербурга. У нас есть люди, которые ездят туда на работу, а на выходные дни приезжают домой.

– Население увеличится?

– Нет в ближайшее время. Нужны хорошие и большие проекты в Карелии, кстати, в «Стратегии развития» они предусмотрены. Существует отток населения в развитые города и страны, и его тренд свидетельствует об устойчивости данного явления.

– Жизнь станет лучше?

– Лучше! Она уже стала лучше. Еще в 2000 году в Карелии были приняты показатели оценки динамики качества жизни. Сам факт, что тренд за 12-летний период положительный, говорит о том, что качество жизни возросло в разы. Но мы часто этого не замечаем – человек очень быстро привыкает к хорошему.

В Карелии идет эволюционный процесс, преобладают эволюционные процессы в российском обществе. Нас ждут ещё большие перемены, я уверен, что к лучшему.

**Беседовал
Вениамин СЛЕПКОВ**

